

УДК 281.9 (470.323) «1920–1930»

ПРАВОСЛАВНОЕ СООБЩЕСТВО КУРСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОЙ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-Х–1930-Х ГГ.*

А.Ю. БУНИН*Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова**e-mail: abunin46@rambler.ru*

Основанное на рассмотрении важнейших аспектов историографии проблемы и использовании методов социальной и локальной истории, исследование положения православного сообщества Курского края в условиях советской антирелигиозной политики 1920-х–1930-х гг. показало, что в этот период Русская Православная Церковь, несмотря на атеистическую пропаганду и репрессии государственной власти, продолжала оставаться одним из значимых центров духовной жизни многих жителей региона. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов анализируются формы внебогослужебной деятельности духовенства, виды борьбы государства с Церковью и ее влиянием на население, отношение верующих к изменению векторов антицерковного курса власти и социально-правового положения РПЦ.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православное сообщество, духовенство, верующие, миряне, внебогослужебная деятельность духовенства, Курский край, Советское государство, антирелигиозная политика, атеистическая пропаганда, репрессии, антисоветская агитация.

В советской исторической науке Русская Православная Церковь периода 1920–1930-х гг. характеризовалась как контрреволюционный элемент¹; зарубежные историки оценивали поиск высшего церковного руководства приемлемой формы сосуществования с «безбожной» властью как сотрудничество с ней²; на современном этапе РПЦ показывается нейтральной силой в отношениях с большевистским государством и его противниками³. Парадигмой данного исследования стало положение о том, что в первые десятилетия коммунистического режима Церковь, являясь носителем многовековой культурно-религиозной традиции, продолжала оказывать существенное влияние на жизнь народа, что стало одной из причин церковно-государственного конфликта⁴. В статье православное сообщество Курского края 1920–1930-х гг. рассматривается в социально-культурном и пространственном измерениях. В первом случае оно анализируется как отдельная группа общества (духовенство и миряне), во втором – как локальная общность, существовавшая в разные исторические периоды на территории Курской губернии, Белгородского, Курского, Львовского округов Центрально-Черноземной области, Курской области.

В 1920-е гг. Советское государство в борьбе с Церковью осуществляло антирелигиозную пропаганду. Однако в Курском крае религиозные настроения в целом не были поколеблены атеистической деятельностью, поскольку она осуществлялась нерегулярно, что обуславливалось отсутствием необходимого количества квалифицированных «антирели-

* Статья подготовлена при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. Государственный контракт № 14.А18.21.0052.

¹ См., напр.: Плаксин Р.Ю. Крах церковной контрреволюции. 1917–1923. М., 1968.; Гордиенко Н.С. Православие в советском обществе. Основные этапы эволюции // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 617–647 и др.

² См., напр.: Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. М., 2007.

³ См., напр.: Пospelовский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 52–56 и др.; Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000. С. 72, 78.

⁴ Емельянов С.Н., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Православная культура и государство (духовные и материальные потери) // Курский край: культура и культурно-историческое наследие. Т. XV. Курск, 2002. С. 263–290.

гиозников» (а во многих уездах и отсутствием таковых), в качестве которых зачастую выступали не обладавшие соответствующим образованием и подготовкой коммунисты и комсомольцы⁵. Вместе с тем, Курский губком РКП(б) пытался усилить «безбожную» работу в регионе. В частности, для подготовки пропагандистов в 1923 г. стали создаваться кружки (в 1923–1925 гг. их насчитывалось 12–13)⁶, деятельность которых осложнялось из-за «сезонности» их работы, недостатка преподавателей, дефицита средств и литературы⁷.

В 1920-е гг. в крае атеистическая пропаганда осуществлялась в различных формах (лекции, диспуты, доклады, театральные постановки, распространение и издание литературы)⁸ и в связи с нехваткой пропагандистов, в основном, проводилась в городах (в уездах она носила эпизодический характер)⁹. Она зависела от сезонного фактора, т.е. периода полевых работ, в которых были заняты селяне и партийно-советский актив. Наряду с этим, природный фактор (например, неурожай 1924 г.) становился причиной отказа от использования тех форм антирелигиозной работы (диспуты, суды и т.п.), которые в условиях роста религиозности населения могли оскорбить чувства верующих¹⁰.

По крайней мере, до конца 1920-х гг. в регионе атеистическая пропаганда часто проводилась в виде массовых кампаний: они разворачивались во время Рождества, Пасхи и Троицы¹¹. Первый опыт проведения «комсомольского рождества» оказался отрицательным. Так, антирождественский карнавал, организованный в декабре 1922 г. – январе 1923 г. в г. Курске, в целом принял «шуточный» характер в умах обывательских». Впоследствии кампании приобрели «в целом научно-деловой углубленный характер». В 1923–1927 гг. их основным содержанием являлась организация в период церковных праздников докладов, диспутов, лекций и театральных постановок¹².

Основная часть православного сообщества рассматривала театрализованные карнавалы, «суды» над Богом, религией и т.п. как оскорбление своих религиозных чувств (в феврале 1923 г. в Курском уезде)¹³. Эти мероприятия также способствовали разжиганию межконфессиональных и межнациональных конфликтов. Так, проведенный в январе 1923 г. в г. Курске антирождественский карнавал, главные роли в котором исполняли евреи, спровоцировал у верующих антисемитские настроения: «Почему осмеивают только нашу веру...?», «Зачем осмеивали в карнавале нашего, а не еврейского Бога?». Вместе с тем профессионально подготовленная кампания могла расколоть население на сторонников и противников православия, что, в частности, произошло в Суджанском уезде после организованного в январе 1924 г. «комсомольского рождества»¹⁴.

В 1920-е гг. многие жители Курской губернии продолжали следовать религиозному календарю и соблюдать обряды Церкви. Так, в октябре – ноябре 1923 г. крестьяне вместо революционных праздников отмечали православные. В январе 1928 г. население г. Щигры и Стакановской волости Щигровского уезда праздновало Рождество. В 1927 г. крестьяне Ивановской волости Львовского уезда крестили 75,7 % новорожденных, по церковной традиции заключили 67,3 % браков, провели 89,2 % похорон¹⁵.

Вследствие стабилизации в начале 1920-х гг. политической ситуации в Советской России курское православное духовенство вновь получило возможность осуществлять

⁵ См.: Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359, 360, 448, 449, 527, 528, 631, 633, 746, 781.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 611. Л. 31; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 11 об, 207; Д. 527. Л. 40; Д. 633. Л. 7.

⁷ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 29, 104 об, 128; Д. 360. Л. 144 об; Д. 449. Л. 28 об, 34 об, 60, 108–108 об, 120; Д. 527. Л. 41, 76, 127 об–128.

⁸ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 8 об–9, 11 об, 23, 28 об–29, 134; Д. 360. Л. 71 об; Д. 448. Л. 82; Д. 449. Л. 37 об; Д. 527. Л. 40; Д. 528. Л. 16, 19, 24; Д. 631. Л. 209; Д. 633. Л. 42; Д. 750. Л. 66.

⁹ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 8 об, 85, 94, 132; Д. 360. Л. 8, 11 об, 14 об, 20 об, 30 об, 36, 39, 55, 90, 98 об, 113, 135 об, 137, 148; Д. 528. Л. 14; Д. 633. Л. 140.

¹⁰ Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 128, 130, 147; Д. 360. Л. 105 об, 111; Д. 362. Л. 16; Д. 448. Л. 82–82 об; Д. 449. Л. 71; Д. 527. Л. 54; Д. 528. Л. 24.

¹¹ См.: Там же. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359, 360, 448, 449, 527, 528, 631, 633, 746, 750.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 611. Л. 60–61; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 359. Л. 16, 28 об, 134; Д. 360. Л. 71 об; Д. 449. Л. 22, 37 об; Д. 527. Л. 105, 110, 114, 128, 205; Д. 746. Л. 105–106.

¹³ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 9.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 2, 4, 5 об, 22 об; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 449. Л. 22.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 71, 74; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 750. Л. 40, 66, 71.

внебогослужебную деятельность (проповедничество, просветительство, миссионерство, благотворительность), нередко превращавшуюся в антисоветскую агитацию. В проповедях, беседах, воззваниях духовенство, миряне (в частности, в 1923 г. в г. Курске, Курском уезде иереи Л. Иваницкий, М.И. Коровин, прихожане и монашествующие курских Знаменского, Свято-Троицкого монастырей, летом 1928 г. в г. Курске, Обоянском, Фатежском районах Курского округа священники) призывали верующих защищать православие, не допускать закрытия храмов и обителей, оставаться в лоне Церкви¹⁶. Несмотря на недовольство населения, в 1922–1926 гг. власти ликвидировали в Курской губернии 12 пустынь и монастырей¹⁷. Клирики проповедовали против атеистического и материалистического учений. В частности, во второй половине 1924 г. «за антисоветскую агитацию на религиозной подкладке» и против атеизма судебному преследованию подверглись архиепископ, епископ и пять священников. В 1928 г. в Щигровском уезде священнослужитель произносил проповеди «о вреде материализма» и против радио. В марте 1929 г. священник, «кулаки», учитель агитировали среди жителей с. Любостань Большесолдатского района Льговского округа против культурно-просветительной работы другого педагога¹⁸.

В Курском крае часть духовенства, активно участвовала в агитации против Советской власти (в 1923 г. в Чаплыгинской, Чермошнянской, Муравлевской, Казацкой волостях Курского уезда)¹⁹. «Церковники» агитировали против экономической политики государства, в частности налогообложения (в мае 1923 г. в Касовецкой волости Курского уезда²⁰), хлебозаготовок (в 1928–1929 гг. в Солнцевском, Свободинском, Фатежском районах Курского округа²¹), вступления в колхозы (в июле 1929 г. в Белгородском районе того же округа²²), нелегально участвовали в отчетно-предвыборных кампаниях советов (в декабре 1928 г. в Бесединском, Тимском районах Курского округа²³).

У населения региона были распространены антисоветские взгляды, принимавшие религиозную окраску, что выражалось в ожидании апокалипсиса и росте антисемитизма. Например, в сентябре 1923 г. в Курской губернии циркулировали слухи о существовании «соглашения коммунистов с капиталистами», целью которого является уничтожение в стране крестьянского хозяйства и религии²⁴. В обстановке преследования клира и активных мирян, обновленческого раскола, снижения уровня религиозности народа и под влиянием проповедей священников в 1923 г. у верующих г. Курска, а также Рождественской волости Курского уезда возникли апокалипсические настроения, на основе которых сформировалось убеждение, что православным христианам не остается ничего иного, как «или помирать, или восставать»²⁵. Часть духовенства поддерживала антисемитизм жителей края. Так, в феврале – апреле 1923 г. священник Соколов убеждал жителей с. Знаменское Рождественской волости Курского уезда в том, что государственная власть, находящаяся в руках евреев, стремится уничтожить Церковь, для священнослужителей которой установили обременительное налогообложение. Священник Спасской церкви г. Курска в мае 1923 г. в беседе с верующими отмечал, что, если раньше Россия испытывала гнет царизма, то в настоящее время – «жидов», поэтому необходима активная поддержка пастырь Церкови как центра духовно-нравственной жизни общества²⁶. Вследствие проводившейся духовенством и «кулацкими группировками» в 1928 г. агитации православная общественность рассматривала неурожай и ужесточение хлебозаготовительной кампании,

¹⁶ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 4, 16 об, 20 об, 53, 59; ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 127.

¹⁷ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–1235. Оп. 59. Д. 42. Л. 123, 125–130, 132–132 об, 134; Д. 45. Л. 82; ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 7. Л. 310, 314, 399, 403–404 об; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 36; Арцыбашева Т.Н. Православный Курский край. Курск, 2002. С. 31, 107, 108, 110–111, 113, 116, 120.

¹⁸ ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 18; Д. 781. Л. 122 об; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Курской области (АУФСБ РФ КО). Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 29.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 8 об, 9, 16 об, 26 об, 34 об, 47, 63.

²⁰ Там же. Л. 31.

²¹ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 131, 137; АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 1. Л. 27.

²² АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 8. Л. 16.

²³ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 135. Л. 25; Ф. П–79. Оп. 1. Д. 66. Л. 105, 235.

²⁴ ГАКО. Ф. Р–325. Оп. 2-с. Д. 6. Л. 55.

²⁵ Там же. Л. 22 об, 44.

²⁶ Там же. Л. 16 об, 22 об, 31.

как «божье наказание за грехи человечества» (Подгородищенская волость Курского уезда, г. Курск)²⁷.

В 1920 г. в Курской епархии началось восстановление системы религиозно-нравственного просвещения. Так, с 1 августа стали проводиться в Сергиево-Казанском соборе г. Курска воскресные беседы и чтения. В 1921 г. беседы организовывались в городской Михайловской церкви и Николаевском храме пригородной Стрелецкой слободы. 14 января 1922 г. митрополит Курский и Обоянский Назарий (Кириллов) разрешил Курской религиозно-просветительной комиссии возобновить беседы и чтения, по крайней мере, в соборных церквях уездных городов. По-видимому, это начинание в будущем имело определенный успех, поскольку в 1928 г. – начале 1929 г. в г. Курске священники проводили публичные лекции, посвященные религиозным и научным вопросам²⁸.

Не ранее середины 1921 г. в регионе возродилась деятельность внутренней миссии, что было связано, с одной стороны, с увеличением численности общин баптистов и евангельских христиан (в том числе вследствие перехода части паствы в сектантство, как в «правильную» веру, после обновленческого раскола), активизации их «благовестничества»²⁹, а с другой – появился новый идеологический противник в лице государственного аппарата антирелигиозной пропаганды. В 1921 г. начала восстанавливаться приходская и благочинная миссии, в частности в Белгородском викариатстве, возобновилось проведение курсов, собраний по повышению профессионального уровня миссионерства духовенства³⁰. В 1923–1925 гг. в Старооскольском, Путивльском и других уездах состоялись диспуты с участием священников, атеистов и сектантов (однако в 1925 г. инициатива в организации дискуссий стала исходить, главным образом, от сектантов)³¹. В 1920-е гг. отношение населения, например Борисовского, Курского и Старооскольского уездов, к сектантству было различным – от толерантного до враждебного³².

В начале 1929 г. сильно ужесточилась религиозная политика государства. Кардинально изменилось законодательство, значительно ограничившее функционирование церковных учреждений и установившее вместо «свободы религиозной и антирелигиозной пропаганды» «свободу религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды»³³. К середине 1929 г. в регионе, как в целом по стране, закрытие церквей приняло массовый характер, которое осуществлялось в большинстве случаев против желания верующих, что провоцировало их волнения (в марте в г. Короче Белгородского округа, в апреле в Кореневском районе Львовского округа)³⁴.

В связи с многочисленными протестами против ликвидации храмов 5 июня 1929 г. ЦК ВКП(б) разослал региональным парторганизациям директиву об использовании в борьбе с «религиозными предрассудками» в основном идеологических средств³⁵. Вместе с тем в Курском крае продолжалось насильственное закрытие церквей, которое в конце 1929 – начале 1930 г. достигло значительных масштабов (к январю 1930 г. только в Львовском округе из 260 храмов перестали действовать более 150³⁶). Антицерковная политика местных парторганов вызвала крупные волнения верующих. Лишь в декабре 1929 г. в ЦЧО на этой почве состоялось 10 выступлений³⁷. Подобные события произошли

²⁷ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 127, 131, 140.

²⁸ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 279. Л. 1–2 об, 10–10 об; ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 135. Л. 25; Ф. П–79. Оп. 1. Д. 406. Л. 126, 127, 137.

²⁹ См.: ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 254; ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 528. Л. 3, 5, 26–27, 31.

³⁰ ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 254. Л. 3.

³¹ ГАОПИКО. Ф. П–65. Оп. 1. Д. 360. Л. 30 об, 71 об, 82; Д. 448. Л. 82; Д. 528. Л. 4, 31.

³² Там же. Д. 528. Л. 16 об, 22, 43.

³³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т.5. М., 1984. С. 307–312; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 157–158; ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 218. Л. 20–21.

³⁴ ГАОПИКО. Ф. П–79. Оп. 1. Д. 221. Л. 72; АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 4. Л. 11, 31; Д. 5. Л. 13–14.

³⁵ Там же. Л. 72.

³⁶ Там же. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 47. Л. 115; Д. 120. Л. 120.

³⁷ АУФСБ РФ КО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 12. Л. 10, 12.

в октябре 1929 – феврале 1930 гг. в Суджанском, Глушковском, Кореневском, Иванинском, Хомутовском районах Львовского округа³⁸.

В связи с проводившейся на рубеже 1929–1930 гг. хлебозаготовительной кампанией и сплошной коллективизацией борьба населения за свои религиозные права приобрела политический характер. Часть священников и мирян активизировали антисоветскую агитацию (по свержению большевистской власти, против хлебозаготовок, колхозного строительства, за открытие храмов) и деятельность (организация крестьянских выступлений, покушения на жизнь актива, поджоги личного имущества советских и других работников). Такая ситуация сложилась осенью – зимой 1929/30 г. в Конышевском и Михайловском районах Львовского округа³⁹.

14 марта 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором осуждалась насильственная ликвидация церквей. Львовский окружком потребовал от партийных и советских организаций открыть административно закрытые храмы и разрешал в остальных совершение богослужений до особого распоряжения облисполкома об их упразднении. Вместе с тем, райкомы и райисполкомы не выполняли распоряжения вышестоящих инстанций⁴⁰, что спровоцировало в марте – мае 1930 г. новую волну массовых протестов крестьян, выступавших с требованием открытия церквей. Так, волнения прошли в Иванинском, Больше-солдатском, Кореневском, Михайловском, Хомутовском, Глушковском, Дмитриевском районах Львовского округа⁴¹.

В 1930-е гг. государство окончательно избирает репрессии и политику «воинствующего безбожия» как приоритетные направления в борьбе с РПЦ. В Курском крае органы ОГПУ-НКВД раскрыли деятельность крупных «контрреволюционных церковно-монархических организаций»: в 1932 г. – «Ревнителю церкви», в 1933 г. – «Группы освобождения церкви», в 1935 г. – группы «церковников» во главе с архиепископом Онуфрием (Гагалюком). По чекистской версии, они вели агитацию за восстановление монархии, против Советской власти, колхозного строительства и других хозяйственно-политических кампаний, организовывали крестьянские восстания и др. В 1937 г. в Курской области была ликвидирована «контрреволюционная церковная фашистско-террористическая» структура. Ее задачей являлось «объединение всех церковных течений для борьбы с Советской Властью в единый фронт, с целью свержения Советского строя и установления в стране фашистского режима» через совершение терактов на руководителей ВКП(б) и правительства⁴². В регионе продолжился курс на массовое закрытие церквей: до 1917 г. их насчитывалось 1700, в 1935 г. – 727 г., в 1937 г. – 476.⁴³

Православное сообщество Курского края 1920–1930-х гг. представляло собой не аморфную группу населения, а активную часть общества, которая приспособилась к быстро изменявшейся исторической ситуации и отстаивала свои интересы с целью сохранения Церкви и христианских ценностей. Оно, находясь в условиях проведения Советской властью целенаправленного курса по разрушению традиционного жизненного уклада социума, формировавшегося в течение многих веков, и насаждению новой (секуляризованной) культуры, оказало пассивное и активное сопротивление антирелигиозной и антицерковной политике государства.

³⁸ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 428, 538, 590, 619; Д. 47. Л. 115.

³⁹ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 504, 589; Д. 177. Л. 187.

⁴⁰ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 5. М., 1984. С. 104; ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 162. Л. 35, 40, 41 об.

⁴¹ ГАОПИКО. Ф. П–11. Оп. 1. Д. 27. Л. 580, 610, 670; Д. 141. Л. 244 об.

⁴² Беспартотный Б.Д., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Культура и власть: из рассекреченных архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД. Курск, 1998. С. 104–106, 109, 119–130, 132–136, 163–164; Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Религия и власть: из рассекреченных архивов Курского ОГПУ // Клио. 2000. № 2 (11). С. 260–265; Карнаевич В.Г., Реутов В.В. Новомученики и исповедники земли Курской. Курск, 2006. С. 37–49.

⁴³ Беспартотный Б.Д., Ильина З.Д., Карнаевич В.Г. Культура и власть... С. 103.

ORTHODOX SOCIETY OF KURSK REGION IN THE PERIOD OF SOVIET ANTIRELIGIOUS POLICY IN 1920S–1930S

A. Yu. BUNIN

*Kursk State Agricultural
Academy after I.I. Ivanov*

e-mail: abunin46@rambler.ru

Made on the analysis of main aspects of historiography and the usage of methods of social and local history, the research of the position of orthodox society of Kursk region in the period of soviet antireligious policy 1920's – 1930's years showed, that in this period Russian Orthodox Church, in spite of atheistic propaganda and repressions of the state power, continued to be one of the main centers of spiritual life for many people of the region. On the basis of firstly introduced into the scientific circulation archival documents the author analyses forms of separate activities of clergy, forms of state fight with church and its influence on population, attitude of believers to the change of direction of state antichurch policy and socio-legal position of Russian Orthodox Church.

Keywords: Russian Orthodox Church, orthodox society, clergy, believers, laity, separate activities of clergy, Kursk region, Soviet state, antireligious policy, atheistic propaganda, repressions, anti-Soviet agitation.